

мотивируя тем, что обстоятельства, указанные в этих пунктах, являются лишь обстоятельствами, исключающими повторное производство по уголовному делу в отношении того же лица. Аргументируя свою позицию, автор указывает: «если в отношении этого лица имеется обвинительный приговор, либо органом, ведущим уголовный процесс, вынесено постановление о прекращении производства по уголовному делу за истечением сроков давности или вследствие акта амнистии либо за примирением сторон, то это свидетельствует о том, что указанное лицо было причастно к совершению преступного деяния, но в силу этих обстоятельств исключается повторное производство по тому же факту» [2, с. 578].

Полагаем, что данное мнение следует поддержать. Во-первых, если первоначальное процессуальное решение было вынесено по реабилитирующему основанию, то орган, ведущий уголовный процесс, был обязан принять меры по компенсации причиненного ущерба, восстановлению иных нарушенных прав. Лицо в этом случае уже реализовало свое право на возмещение вреда, что исключает возможность его повторного надления восстановительно-компенсационными полномочиями. Во-вторых, рассматриваемые основания прекращения производства по уголовному делу не свидетельствуют о невинности гражданина в совершении преступления либо о его непричастности к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Они лишь указывают на определенное процессуальное препятствие к дальнейшему производству по уголовному делу – неотмененное решение, обладающее юридической силой. По своей природе названные основания аналогичны таким нереабилитирующим обстоятельствам, как, например, примирение лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым по делам частного обвинения (п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК); отсутствие заявления лица, пострадавшего от преступления, если уголовное дело возбуждается и рассматривается не иначе как по его заявлению (п. 6 ч. 1 ст. 29 УПК); отказ должностного лица (органа) в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении определенной категории лиц (п. 12 ч. 1 ст. 29 УПК). В этой связи полагаем целесообразным исключить из п. 2 ч. 1 ст. 461 УПК ссылку на основания прекращения производства по уголовному делу, предусмотренные п. 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК.

Вместе с тем сегодня в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством к числу реабилитирующих оснований в смысле оснований, влекущих возникновение права на возмещение вреда в порядке гл. 48 УПК, следует относить:

- отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом;
- отсутствие в деянии состава преступления;

- недоказанность участия в совершении преступления;
- наличие вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения (постановления) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию (п. 8 ч. 1 ст. 29 УПК);
- наличие неотмененного постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК).

1. Рыжаков А.П. Окончание предварительного расследования. М., 1999.
2. Шостак, М.А. Уголовный процесс : учеб. пособие. Минск, 2008.

УДК 343.14

В.В. Рожнова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Для обеспечения эффективности уголовной процессуальной деятельности очень важна определенность правовых понятий. Четкость в их определении обеспечивает единообразное понимание и одинаковое применение уголовного процессуального закона на всей территории его действия.

В свою очередь, неоднозначность, неопределенность терминологии, используемой в тексте нормативных правовых актов, приводят к искажению истинного смысла правовых норм, вызывают трудности в процессе их применения, в результате чего нарушаются установленные законом порядок деятельности, права, свободы и законные интересы ее участников.

По утверждению А.А. Ушакова, трудно назвать какую-либо другую область общественной жизни, где неточность слова, разрыв между мыслью и словом, законодателем и читателем были бы чреватые такими иногда тяжелыми последствиями, как в области права [1, с. 80].

Вступление в силу УПК Украины, принятого Верховным Советом Украины 13 апреля 2012 г. (УПК) наряду с многочисленными позитивными изменениями привнесло в практику уголовного производства немало проблем, связанных с толкованием и применением в соответствии с их истинным смыслом отдельных уголовно-процессуальных понятий. Эти проблемы коснулись и вопросов, связанных с установлением допустимости и недопустимости доказательств.

Так, в действующем УПК в ст. 86–90 впервые сформулированы правила о допустимости и недопустимости доказательств. Очевидно, что оперируя какими-либо специальными юридическими понятиями, а тем более теми, которые приобретают особое содержание в регулировании отдельных видов правоотношений, законодатель должен сформулировать и донести до субъектов правоприменения их содержание.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК доказательство является допустимым, если оно получено в порядке, установленном УПК. Анализ данного законодательного положения позволяет сделать вывод о том, что допустимость доказательства – свойство доказательства, характеризующее законность его получения. Традиционно в учебной и научной литературе требование допустимости доказательств определяется законностью: процессуальным источником доказательства, способом его получения, процессуальным оформлением хода и результатов проведения процессуального действия, субъектом получения доказательства [2, с. 229–231].

Недопустимость доказательств – антипод их допустимости. Для того, чтобы обеспечить допустимость доказательств, необходимо предупредить появление признаков недопустимости, заранее избежать наличия оснований для признания доказательств недопустимыми. Соответственно, в действующем УПК в большей степени уделяется внимание недопустимости доказательств [2, с. 237]. Несмотря на широкое применение понятия недопустимости в тексте норм УПК, законодатель никак не раскрывает его содержание.

Системное толкование ч. 1 и ч. 2 ст. 86 УПК приводит к выводу о том, что недопустимым доказательством является полученное с нарушением порядка, установленного УПК. Такое понимание недопустимости доказательств соответствует и положению Конституции Украины о том, что обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем (ч. 3 ст. 62).

В своем решении в деле по конституционному представлению Службы безопасности Украины об официальном толковании положения ч. 3 ст. 62 Конституции Украины от 20 октября 2011 г. № 12–рп/2011 Конституционный Суд Украины указал, что собирание, проверка и оценка доказательств возможны только в порядке, предусмотренном законом. Признаваться допустимыми и использоваться в качестве доказательств могут только те фактические данные, которые получены в соответствии с требованиями уголовного процессуального законодательства. На этом основании Конституционный Суд Украины сформулировал вывод о том, что обвинение в совершении преступления не может быть основано фактическими данными, полученными незаконным способом:

с нарушением конституционных прав и свобод личности и гражданина; нарушением установленных законом порядка, средств, источников получения фактических данных; неуполномоченным на то лицом и т. п.

Другими словами, исходя из теоретического и законодательного определения допустимости, недопустимость как противоположность допустимости, – свойство доказательства, характеризующее незаконность его получения, т. е. незаконность процессуального источника доказательства, способа его получения, процессуального оформления хода и результатов проведения процессуального действия, субъекта получения доказательства.

Несмотря на очевидность и логичность вышеуказанного теоретического определения понятия недопустимости, законодательное закрепление ее содержания и форм в УПК является неоднозначным. Так, на фоне отсутствия общего определения понятия недопустимости доказательств, связанного с незаконностью его получения, в ст. 87 УПК речь идет о недопустимости доказательств, полученных вследствие существенного нарушения прав и свобод человека, а в ст. 88 УПК – о недопустимости доказательств и данных, которые касаются личности подозреваемого, обвиняемого.

Закономерно возникает ряд вопросов: что следует понимать под «существенными нарушениями прав и свобод человека» (ст. 87 УПК)? Являются ли другие нарушения положений уголовного процессуального закона, кроме указанных в ст. 87 УПК, основаниями для признания полученных доказательств недопустимыми? Каким образом (на каком основании) доказательства, которые касаются судимостей подозреваемого, обвиняемого либо совершенных им других правонарушений, а также сведения о характере подозреваемого, обвиняемого (ст. 88 УПК), вписываются в общую концепцию недопустимых доказательств как доказательств, полученных с нарушениями установленного уголовным процессуальным законом порядка?

Еще больше вопросов относительно содержания понятия недопустимости появляется в процессе толкования норм о признании доказательств недопустимыми. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 89 УПК основанием для признания судом доказательства недопустимым является установление очевидной недопустимости доказательства в процессе судебного рассмотрения. Означает ли это, что закон разделяет недопустимость очевидную и неочевидную, предполагая различные правовые последствия их установления?

Очевидный значит совершенно ясный, явный, несомненный. В свою очередь, неочевидный – тот, который трудно обнаружить, заметить, не явный; требующий доказательств своей истинности, действительности [3, с. 528, 704].

Системное толкование этой нормы и нормы, закрепленной в ч. 2 ст. 86 УПК, приводит к выводу о том, что не может быть использовано при принятии процессуальных решений, в том числе судебных, только очевидно недопустимое доказательство, т. е. то, незаконность которого несомненна. Но вряд ли это так.

Как нетрудно заметить, очевидность и неочевидность недопустимости доказательства являются показателем степени исследования и установления судом тех нарушений уголовного процессуального законодательства, которые ставят под сомнение допустимость полученного доказательства. При очевидной недопустимости такие нарушения являются явными, не требующими обоснования, достоверность которых обнаруживается непосредственно; при неочевидной они неявные, требующие доказательств своей истинности, действительности. Однако в обоих случаях очевидной и неочевидной недопустимости доказательства суть остается неизменной – допущено нарушение закона при его получении.

Уголовный процессуальный закон обязывает сторону, которая подает доказательства, доказывать их допустимость (ч. 2 ст. 92 УПК), т. е. доказывать отсутствие нарушений закона при их получении. При этом стороны уголовного производства, потерпевший имеют право в процессе судебного рассмотрения заявлять ходатайства о признании доказательств недопустимыми, а также возражать против признания доказательств недопустимыми (ч. 3 ст. 89 УПК).

Таким образом, решение судом вопроса о допустимости или недопустимости того или иного доказательства, в свою очередь, является результатом оценки судом представленных сторонами доказательств наличия либо отсутствия нарушений уголовного процессуального закона при его получении. Как известно, оценка доказательств предполагает формирование внутреннего убеждения, в частности суда, в правильности принятого решения, его соответствия установленным обстоятельствам. Между тем внутреннее убеждение, несмотря на то, что оно должно основываться на всестороннем, полном и непредвзятом исследовании всех обстоятельств (ч. 1 ст. 94 УПК), – это качество психологического, субъективного плана. В этой связи то, что может быть очевидным для одного судьи, при тех же обстоятельствах будет не вполне очевидным (неочевидным) для другого.

Исходя из вышеизложенного, очевидным становится то, что в основе вопроса о допустимости или недопустимости доказательств всегда находится один фактор – нарушение требований уголовного процессуального закона. Эти многочисленные требования направлены как на обеспечение прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства

при проведении соответствующих процессуальных действий, так и на обеспечение полноты и адекватности отображения полученных доказательств в материалах производства [4, с. 169]. Именно этот фактор и должен определять содержание соответствующих понятий.

Следует отметить, что в теории и практике уголовно-процессуального доказывания постоянно обсуждается вопрос о том, все ли нарушения закона, допущенные в процессе собирания доказательств, должны привести к признанию их недопустимыми. В действующем УПК этот вопрос не нашел своего разрешения. В теории доказательств в свое время развилась теория о существенности или несущественности процессуальных нарушений, в соответствии с которой доказательства могут быть признаны недопустимыми только в случае значительных, существенных нарушений закона. В остальных случаях предлагалось учитывать возможность устранения нарушения или нейтрализации его последствий [5, с. 239–242].

Было бы ошибочным считать, что любое нарушение процедуры уголовного производства автоматически должно привести к недопустимости полученных доказательств. Подтверждением этому является установление законодателем перечня обстоятельств, являющихся безусловным основанием к признанию соответствующих деяний незаконными. В частности, это и есть перечень существенных нарушений прав человека и основоположных свобод (ч. 2 ст. 87 УПК), а также перечень существенных нарушений требований уголовного процессуального закона как оснований для отмены судебного решения (ч. 2 ст. 412 УПК).

Таким образом, все нарушения требований уголовного процессуального закона в части их влияния на решение вопроса о допустимости полученных доказательств могут выступать безусловными и условными основаниями признания доказательств недопустимыми. Безусловные основания будут положены в основу безальтернативного решения суда о признании доказательства недопустимым в случае их установления. В связи с этим перечень безусловных оснований признания доказательств недопустимыми должен быть закреплен в нормах УПК с возможностью расширительного толкования на случаи нарушения правового запрета (например, невозможность допроса в качестве свидетеля отдельных категорий лиц; невозможность проведения следственного эксперимента в случаях опасности для жизни и здоровья его участников или окружающих; невозможность проведения процессуальных действий после приостановления досудебного расследования).

Недопустимость доказательства может определяться и законностью тех процессуальных действий, которые с ним связаны. Так, установив факт проведения обыска в жилье без судебного решения, суд должен

признать недопустимыми доказательствами не только протокол обыска, но и полученные в процессе его проведения предметы и документы, протоколы их осмотра, а также предъявления их для опознания, заключения экспертов, если они подвергались экспертному исследованию.

Условные основания должны устанавливаться судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств уголовного производства, в частности, исходя из назначения, несущего в себе то требование закона, которое было нарушено (обеспечение полноты и объективности полученной информации, обеспечение прав и свобод конкретного участника процессуального действия и т. п.). Очевидно, что такое установление должно происходить с учетом всех принципов уголовного производства и в первую очередь – верховенства права, в соответствии с которым человек, его права и свободы признаются наивысшими социальными ценностями, определяющими содержание и направленность деятельности государства (ст. 8 УПК).

1. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики : учеб. пособие : в 2 ч. Пермь, 1967. Ч. 1.

2. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / за заг. ред. професорів В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. Київ, 2012.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1979. Т. 2.

4. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2009.

5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин [и др.]. М., 1973.

УДК 343.9

И.А. Рокач

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Подход к формированию системы электронного государства включает переход к информатизации судебной системы и формированию электронного правосудия, и для модернизации уголовного процесса необходимо решение двух основных задач: внедрить новые информационные

технологии, способствующие открытости и доступности правосудия; совершенствовать сам процесс с помощью снижения его формализма.

Универсальным инструментом для решения указанных задач, по нашему мнению, стал бы переход от бумажного к электронному уголовному делу, шаг к которому сделала Республика Казахстан путем издания Генеральным прокурором республики Приказа от 3 февраля 2018 г. № 2, утверждающего Инструкцию о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (далее – Инструкция). Так, данной Инструкцией определяется порядок ведения уголовного судопроизводства в электронном формате на стадии предварительного расследования. Последнее заключается в осуществлении досудебного расследования в электронном формате, в том числе путем ввода электронного документа либо вложения PDF-документа в информационную систему «Единый реестр досудебных расследований» (ИС «ЕРДР») на основании принятых должностным лицом процессуальных решений и действий, а также заполнения необходимых реквизитов электронных информационных учетных документов, подписываемых электронной цифровой подписью (ЭЦП).

В вышеуказанную базу данных ИС «ЕРДР» вносятся сведения о поводах к началу досудебного расследования, перечисленных в ч. 1 ст. 180 УПК, принятых по ним процессуальных решениях, произведенных действиях, движении уголовного производства, заявителях и участниках уголовного процесса, а также на ее основе создается специальный модуль «Электронное уголовное дело» (далее – модуль е-УД). Данный модуль представляет собой дополненный функционал «ИС ЕРДР», предназначенный для организации подготовки, ведения, отправления, получения и хранения электронного уголовного дела. Производство по электронному уголовному делу ведется органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном формате посредством вышеуказанного модуля и внесения в него PDF-документов. В лице органа уголовного преследования представляется должностное лицо, которое получило доступ к ИС «ЕРДР» на основании ЭЦП, выданной Национальным удостоверяющим центром Республики Казахстан, персонального идентификационного номера-кода (далее – ПИН-код), присваиваемого государственным органом, осуществляющим в пределах своей компетенции статистическую деятельность в области правовой статистики и специальных учетов (далее – уполномоченный орган) либо идентификации с использованием биометрического считывателя.

Получив доступ к ИС «ЕРДР», уполномоченное должностное лицо органа предварительного расследования осуществляет ведение уго-